

Пиксельный

Александр Интелл

18+

Александр Александрович Интелл

Пиксельный

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22455021
SelfPub; 2024*

Аннотация

Маленькая фигурка скучает в нарисованном мире. Двинешь мышкой – фигурка повернется, картинка мягко сменит ракурс; окно в виртуальную вселенную застынет, послушный истуканчик станет ждать следующей команды. Сама фигурка не движется, она неживая. Если ею не управлять, так и останется в сонном одиночестве.

Содержание

Alternating states	5
Чувства недоклерка	22
Simply Young	38
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Александр Интелл

Пиксельный

Часть первая

В Бесцветии

Alternating states

Маленькая фигурка скучает в нарисованном мире. Дви-нешь мышкой – фигурка повернется, картинка мягко сменит ракурс; окно в виртуальную вселенную застынет, послушный истуканчик станет ждать следующей команды.

Сама фигурка не движется, она неживая. Если ей не управлять, так и останется в сонном одиночестве.

Я вымученно смотрю на экран, пытаюсь понять, как прой-ти на следующий уровень.

Проблема колоссальная: на монстров перестали действо-вать атаки морозного ятагана и заклинания огненной стихии.

Вечер давно обратился в ночь, а я, в компании с игровой приставкой и бутылкой виски, застыл перед экраном телеви-зора в отупении.

Держит лишь спортивный интерес, клешнями ухватив-шись за горло, и показывая истинную личину – темное, лип-кое задротство.

Глаза закрываются против воли – железные гирьки на ве-ках прикрывают скрипящую дверь мира реальности; виски тяжелые, налитые свинцом; мозг из последних сил держит организм включенным. Дремота такая, что если гирьки по-бедят остатки воли, я моментально усну. И только пальцы

отбивают ритм на кнопках геймпада, живя отдельной жизнью.

Я оказываюсь с обратной стороны экрана: оружие наготове, монстры глядят на меня с изумлением; их едкие глазенки сверлят насквозь.

Вокруг темно и мутно. Гулко дышит под ногами земля, в воздухе стоит запах свежескошенной травы.

Недолго думая, я принимаюсь рубить монстров, совершенно не вкладывая силы в меч. Двуручник рисует восьмерки, оставляя затухающие голубые ленточки, и супостаты рассыпаются в стороны, словно бы каждый удар – мини-взрыв без вспышки.

Я просыпаюсь, снова засыпаю. Так повторяется несколько раз. Невозможно понять, где сон, а где реальность. Я безумным ворочаюсь на диване.

В итоге я решаю поехать в ближайший бар. Как это бывает: посижу часов до пяти, вымотаю организм окончательно. Глядишь, и заполучу крепкий сон. Да чего там! Хиленький, тоже сойдет!

* * *

Я сижу в круглосуточном баре с диковинным названием Squer Antiques. На столе горячий кофе, вопреки расхожему мнению, действующий на меня усыпляюще. Помещение безнадежно пропитано табачным дымом, мерцает тусклый свет, мимо столиков редко шмыгает официант.

Приделанный к стене пузатый квадратный телевизор выдает мыльную ребристую картинку какого-то музыкального телеканала. Звук выключили, отчего полуголые девицы из клипа поют голосом Антонова, глухо идущего из динамиков старенького музыкального центра.

Источник дыма – шумная компания готов за соседним столиком. Полчаса слушаю и рассматриваю, пытаюсь понять смысл существования этой субкультуры.

Компания похожа на трупов, доставленных из морга: два парня, одетые по образу Графа Дракулы больше смахивают на китайскую копию Трансильванского Влада Цепеша; три девушки, походящие на привокзальных путан, кажется, полежали в морге больше нужного.

Трупы на этом свете задерживаться не желают – пьют дешевую водку ведрами и смеют пачку за пачкой. Все в черном, лица измазаны белой пудрой, волосы взъерошены, будто бы в раз шандарахнуло током.

Кофе, из-за присутствия в баре этих ребят, кажется безнадежно остывшим.

Периодически потягивая холодный кофе, пытаюсь настроиться на сон. Голова мутная, тяжелая, другой бы точ-

но уснул. Но у меня, кажется, в теле встроен микрочип, не позволяющий заснуть. Изматывающий хитрый червь. Вот бы найти и вынуть...

– Слушайте, а давайте-ка к Шмелю завалим? – предлагает гот с розовыми сосульками на голове.

– Не, – отзывается длинноволосый собутыльник, – у него прошлый раз были, ну он это... – длинноволосый делает паузу, хаотично машет руками, пытаюсь иначе донести смысл фразы, – нажрался и начал девушку свою вспоминать, которая... к панку ушла.

– Сука, ненавижу панков! – отчаянно рывкает гот с сосульками на голове и наливает еще водки.

Идиотский стиль одежды, нелепые петушиные стрижки, излишки косметики на лице, пирсинг повсюду... Апогей развращенного отношения к собственному «Я»! Смакования самоунижения и превращения самооценки в тряпку, подтирающей засохшую кровь трупа чести.

Готы. Вонючая субкультура, коих в последние годы развелось достаточно, чтобы повысить продажи игрушечных гробов. Субкультура, атрофирующая мозги когда-то людей – а ныне животных.

Для них у меня только пара слов: покойтесь с миром, мечты о счастливой жизни. Вы превратили ее в кошмар и теперь смакуете собственное разложение.

– Да... умереть не так уж плохо... – мечтательно замечает девушка с обильно измазанными чернильной помадой губа-

ми.

– А я вот недавно телек смотрела, – подхватывает разговор другая, – там в автобусе люди погибли. Теракт по-моему. Интересно, как они умирали? Больно?

– Не... я б не захотел! Это же не красиво, так умереть! – вставляет сосульчатый гот, уже заметно поддатый.

Начали обсуждать! Непринужденно, но с придыханием в словах «боль», «страх», «кровь». Кажется, ребята по кругу получают микрооргазмы. Слушая их, возникают смешанные чувства: желание смеяться, отвращение, тошнота и жалость...

У готов почти все темы для разговоров сводятся к смерти. Это на первом месте. Но есть и более приземленные. Например, самая сильная или самая слабая боль, испытанная в жизни.

Кто расскажет, как током ударило, кто про укусы комара, которого специально не сгоняли; а кто-то вспомнит, как в прошлом году резал себя лезвием и что при этом испытывал. Боль – крайне популярная тема для обсуждения, не уступает даже смерти. От упоминания слова «боль» готы также получают микрооргазмы.

Эта компания сегодня сходится на мысли, что самая «крутая слабая боль», когда твою спину царапают во время секса. И девочки и мальчики единогласны в данном вопросе. Ну, пусть хоть спину друг другу царапают, чем режут что-то.

– ...и ваще щас против готов все плохо настроены, – раз-

мышляет черногубая девушка вслух, пока остальная компания занимается закуской. – То готы кого-то убивают, то съедают... Хотят нас изолировать от общества!

– Ага. И с каждым годом все больше! – замечает длинно-волосый собутыльник, ковыряя что-то в тарелке.

Если говорить об эстетических впечатлениях от готов: все их девушки страшны до онемения пяток. Либо толстые доярки, либо страхолюдины обыкновенные. Одеваясь как елки, упавшие в смолу, доярки еще сильнее подчеркивают свою убогость.

Когда такое толстое пугало, одетое в черный латекс с разъемами для выпячивания жировых складок и с голой (!) обвисшей грудью смотрит на тебя с выпуклыми глазами на бледном как у трупа лице – возникают рвотные позывы и потребность вызвать «скорую» для себя и для нее. Не удивляюсь тому, что никогда не доведется видеть красивых готок. Ленивые, бестолковые животные, не желающие ничего делать, выглядят именно так. Об адекватной манере поведения и этике говорить не приходится. Просто зоопарк.

Про мальчиков умолчу...

– Слууушайте, – сосульчатый щегол не понимает. Язык от алкоголя стал совсем развязный, – я вот никак не могу понять, почему люди нас, готов, так шугаются?

– Это от незнания, – отзывается самая тихая из компании. На ней «красуется» черное бесформенное платье, накрашена она меньше остальных и самая симпатичная из компаши-

ки. – Обычные люди – они такие. Готов вообще не знают, вот и боятся.

Все одобрительно кивают.

Наконец, начинает клонить в сон. На часах пол пятого. Поморщившись, допиваю остывший кофе, двигаю чашку в сторону, и голова сваливается на руки, глаза медленно закрываются...

От громких ударов я вздрагиваю, подрываюсь с места. Темно. В баре никого нет. По двери колотят чем-то металлическим.

От неведомой силы она слетает с петель, а следом вбегает гот с пустой кастрюлей в правой руке. На носу неуклюже свисают внушительных размеров очки в черной оправе, а окладистая борода и аккуратная прическа совсем не вяжутся с образом гота.

– Это ты сказал, что мы животные? – бешено орет сумасшедший, указывая на меня пальцем.

– Биндюжникам привет! – зачем-то восклицаю я.

С криком: «Тогда получай, падонак!», гот бросается с пустой кастрюлей в атаку. Я успеваю закрыться руками, но гот начинает кусать кисть левой руки, и все это происходит уже в расплывчатой гелиевой массе.

– Вам плохо? – я открываю глаза. Передо мной стоит офи-

циант. На худом, грустном лице заметно полное безразличие и следы от постоянного недосыпа.

С того момента как я уснул, в помещении ничего не поменялось. Внутри телевизора поющие трусы продолжают танцевать, а из динамиков тихо доносится та же песня, поставленная на реверс.

– Нет. Все хорошо, – на самом деле голова ужасно гудит. – Я просто задремал.

Бармен уходит, не желая больше ничего знать.

Готы, зачем-то перешедшие на пиво, шумно гремят стаканами и сна у них ни в одном глазу. Видимо звуки чокающихся бокалов в сознании представились ударами монтировки.

Я решаю скорее валить отсюда, пока мысли об ублюдках окончательно не усыпили. Боюсь, приснится кошмар с трупами из морга и мертвой проституткой в главной роли. А уж готов с монтировками и подавно не хочется.

Я расплачиваюсь, вызываю мотор, и ноги стремительно выносят меня из заведения. В след слышится припев.

На улице лютый холод. Ледящий ветер продувает насквозь, заставляя встрепенуться каждую клеточку сонного, уставшего организма. Сейчас такое время года, когда днем еще лето, а ночью – практически зима.

Когда я чувствую подобный холод, всегда вспоминается парочка компьютерных игр, – шутеров, по большей части – где герой бежит по заснеженным локациям с винтовками или автоматами наперевес, а точность прицеливания почти

не меняется, чтобы с тобой не происходило.

Приходит в голову мысль, что если бы сейчас дали автомат, я бы и с десяти метров мазал. Да и не побегал вдоволь, с такими-то грузом в руках.

Подъезжает машина, разнося по воздуху хруст всякой мелочи под колесами. Я подбегаю к ней, открываю дверь, и вот уже кресло мягко пружинит подомной.

Оглядываюсь и сразу называю адрес. Водила кивает и я подставляю руки под струи теплого воздуха. Простенький салон автомобиля с искусственным ароматом зеленого чая куда лучше холодного прокуренного бара.

От удобства и приветливого тепла, сон накатывает внезапной волной. Тепло печки так расслабляет, что едва откинувшись на спинку сиденья, тут же обволакивает нежным покрывалом.

Ничего не снится. Порой вздрагиваю от пронсящихся машин, не успевая погрузиться в невесомость. Состояния, ровно как и дома, чередуются.

Подобно вымученному скалолазу на конце пути, я вяло, из последних сил цепляюсь за манкий, заветный уступ сна, но тот не поддается. Мучаюсь и продолжаю карабкаться.

А машины все проносятся, сбивая с опоры уступа.

Я открываю глаза. На улице заметно светлее, и движение на дороге куда оживленнее. Дома, приземистые и устремленные в небо, каменные и стеклянные, проносятся за окном

и видятся мне геометрическими фигурами с натянутыми на них текстурами.

Интересно, сколько сейчас времени?

По радио, некие Коля Смертников и Сергей Голованов несколько минут издеваются над дозвонившимся в прямой эфир дурачком. Тешат самолюбие, доказывая радиослушателям интеллектуальное превосходство. Но слыша, как усердно они надрываются, возникает мысль об обратном. Кто они, оказавшись один на один с тем, кто в своей стезе? Попробуй, утри нос такому! Но вся страна бежит от мешков, тех самых, которые ворочать надо.

* * *

Добравшись до дома, мимоходом сбрасываю обувь, захопываю входную дверь. Высвободившиеся ноги сами несут в спальню.

Мешком валюсь на кровать, не снимая одежды. И... ничего не происходит. Свет дырявит плотные каштановые шторы, а просочившись, действует на меня крайне раздражительно.

Я прихожу в гостиную, включаю опостылевшую приставку и телевизор. Растерев мутные от бессонницы глаза, и глотнув из початой бутылки виски, усаживаюсь играть. Пальцы

вяло тыкают по геймпаду, глаза без увлечения впиваются в изображение. Все вокруг расплывается, превращаясь в желтоватую дымку.

* * *

Мне снится шутер от первого лица. Мир нарисован в черно-синей палитре; мрачное, хмурое окружение давит тяжелым куполом, зажимая и сковывая со всех сторон.

Страх обнимает, хочется вмиг рассеять черноту и тяжесть, убежать из сна, скрыться и не видеть ничего вокруг. Проснуться.

Я мучено бреду по темному лабиринту с пугающими, злыми стенами. В них нечистые узоры тягуче движутся, плавно перетекают друг в друга; порой кажется, что они тяжело дышат и дают испарину.

Я не один в лабиринте. Супостаты – не то черти, не то мутанты – появляются только для того, что бы я их подстрелил, после чего скоро исчезают; рассыпаясь в прах и оставляя искры в воздухе, валяющиеся серыми снежинками на пол.

Одного за другим я кошу чертей, а время невыносимо тянется, и страх сменяется тягучей скукой, столь же тяжелой, сколь и лабиринт с его злыми стенами.

И не понять: толи я сам во сне, толи управляю кем-то.

Вскоре я оказываюсь в просторном зале. По периметру высятся исполинские мраморные колонны, уходящие вверх. Да так, что и потолка не видно! Каменные стебли вырастают во тьму, где взгляд их уже не может поймать, где они навсегда теряются.

Помещение столь огромное и необозримое, что и стен не разглядишь, если попытаешься. Да и не существуют они.

Зал не манит и не завораживает – еще больше нагоняет страху; меня бросает в дрожь лишь от собственного шороха.

Раздается жуткий грохот, сменяемый ужасающим звериным ревом. Огромный зал с белыми колоннами, уходящими в бесконечность, страшно трясется, сыпется штукатурка, которой в реальности не отчего отвалиться, слышатся тяжелые шаги, пол вибрирует, как натянутая мембрана под ударами невидимого молота.

Наконец из темноты проглядывается монстр-исполин, похожий на бегемота, вставшего на две конечности, только жуткого до ужаса: из пасти свисают белые клоки пены, глаза пылают красным пламенем, тушу скрывает грязная, бесцветная броня, на каждой лапе установлено по пулемету.

Монстр движется на меня и заводит оба орудия, пуская две нескончаемые очереди.

Я со всех сил рвусь в сторону. За моей спиной крошатся колонны от хлестких пуль, слышатся ручейки посыпавшихся гильз.

В руках у меня возникает дробовик. Недолго думая, я

принимаюсь решетить дробью супостата.

Броня твари поигрывает снопами искр, иногда дробь пронзает незащищенные места на туше зверя, впивается, отрывает от исполина клочки плоти. Тварь немного замедляется, и снова принимается поливать из пулемета.

Я шмыгаю мимо колонн, вмиг меняю дробовик на ракетницу и живо принимаюсь пускать снаряды в гиганта. Ракеты свистят и оглушительными вспышками растворяются на теле зверя, останавливая работу пулеметов.

Я чувствую, как ракетница накаляется, но не смею останавливаться – расстояние неумолимо сокращается и приходится стрейфиться вокруг колонн, попутно засаживая в тварь очередную порцию ракет. Тварь натужно воеет, когда ракета достигает цели, взлетит во взрывах и не может поспеть за моей прытью.

Выстрел! Еще один!

Хлопает вспышка.

Я расхаживаю по двору монастыря. На мне домашний халат и тапочки. Тепло и уютно, надо мной чистое безоблачное небо, тихое и немое в своей бесконечной синеве; не знойное, не слепящее, настолько идеальное и оттого нереальное, словно нарисованное по чертежам, но все же живое, дышащее и улыбающееся.

Так спокойно, что не хочется никуда идти и ничего думать. И двигаться не хочется. Просто стоять, и тонуть в си-

ней глубине, без цели и без желаний.

Там, за каменными стенами, опоясывающими двор монастыря, слышится пение птиц, тихо спрятавшихся в своем уютном мире на деревьях. Чирикание сладкое, и льется во мне, как молочный ручей, как эссенция чистой силы, кристальное, непорочное, свободное от всяких гадостей человека.

Я чувствую, как неведомая сила окутывает тело. Да, вокруг живет божественная энергия, она протекает в самый затаенный уголок и наполняет смыслом каждый камешек и стебелек. Мне спокойно и уютно.

Я гляжу на себя со стороны: домашний халат оказывается робой мага огня. Стало быть, я могу колдовать?

Я вытягиваю руки, тужусь изо всех сил, и жду, когда что-то произойдет. Ну когда еще представится такая возможность?! Обычно, все что снится, связано с преодолениями, борьбой в заведомо невыгодных условиях. Я всегда от кого-то бегу, отстреливаюсь чем-попало и отмахиваюсь какими-нибудь скучными мечами. Прыгаю из сна в сон, меняя поля брани.

– Женщина! Женщина в монастыре! – ко мне подлетает лысый дядечка в одеянии мага огня и начинает трясти за плечи. – Женщина! Представляете? Как она могла здесь оказаться? Здесь НИ-КО-ГДА не было женщин! Это же монастырь!

– Где она? – в этом сне я могу говорить. Правда, как и

полагается, голос слышен со стороны и не ощутим.

– В подвале. Увели подальше, чтоб не оскверняла присутствием. Подержим там, пока верховный маг круга огня не решит что с ней делать, – красная роба, которой могли удостоиться лишь избранные, совсем не вязалась с трусливым характером ее обладателя. Хотя это можно было посчитать за набожность.

Маг припадает на колени перед каменной статуей, которая красуется в центре монастырского двора.

Повсюду снуют послушники: они испуганно смотрят по сторонам и разбредаются в разных направлениях от маломальского шороха, словно боясь наказания за самую малую провинность. Над головами белыми буквами светятся имена, но не разобрать.

Я совершенно не знаю, что делать в этом сне и куда идти, но после слов трусливого мага, мне хочется увидеть девушку, запертую в подвале.

Еще одна вспышка.

Я мчусь босиком по холодному шершавому полу вдоль темного коридора. В ступни впиваются мелкие камушки, проносятся огни горящих факелов, приделанные через каждые несколько метров к стенам из грубо отесанных блоков.

Впереди возникает разветвление, и я бегу влево, но натыкаюсь на какого-то странного человека в очках с темными линзами и короткими волосами, не дающего ходу. Он явно

не вписывается в этот мир. Я разворачиваюсь, и мчусь со всех ног по второму пути.

Коридор заканчивается величественной узорчатой дверью и приставленным стражником в тяжелых доспехах. По каким-то признакам я понимаю, что это паладин. Еще на нем почему-то круглые очки в роговой оправе.

Стражник читает книгу, а когда замечает меня, резво поднимает глаза.

– Вы что-то хотели? – учтиво спрашивает паладин-стражник.

– Да мне бы... мне бы... в общем я во сне, – неуверенно признаюсь я.

– Простите, что? – стражник убирает книгу за пазуху.

– Я говорю... я во сне.

– Что же вы такое говорите? В каком таком вы сне? – паладин опускает на нос очки и начинает сверлить глазами.

– В своем, полагаю, – неуверенно отвечаю. – И думаю, что вы должны открыть дверь, потому что мне нужно увидеть девушку, пока я не проснулся. Мне кажется, это скоро случится.

– Но позвольте! Вот я стою перед вами, живой, из плоти и крови, и что же, я, по-вашему, не существую? Или существую, но только в сегодняшнем вашем сне, и, стало быть, когда вы проснетесь, я исчезну?

Паладин выглядит крайне возмущенным: очки сползли вниз и в глазах его сверкает искренняя обида.

– Ну, получается что так. Вы все правильно сказали.

– А разве такое может случиться?

– Откройте же дверь! – не выдерживаю я. – Кажется, я сейчас проснусь! Я уже начинаю чувствовать свое тело!

– И что же, меня не существует?

– Да не существует, не существует! Вы вообще видели палладина в очках, читающего книгу? И взгляд у вас такой... интеллигентный!

Паладин думает, достает книгу, и непонимающе смотрит на нее.

– А книга очень занятная, кстати. Про принца. Я ее у молодого человека в черных очках взял, он по близости стоит, – паладин указывает рукой в сторону, откуда я прибежал.

– Откройте! Сон сейчас кончится!

– Хорошо. Только не сбегайте с ней. Меня же уволят.

– Да плевать! Ничего этого все равно не существует!

– Хм, – паладин пожимает плечами, – все равно открыто.

И он вонзается в книгу, проваливаясь в другую вселенную.

Я отпираю дверь и вижу девушку, стоящую посреди пустой комнаты, которая теряется в свете пробуждения.

Чувства недоклерка

Сквозь силу я размыкаю веки, осматриваюсь: на экране телевизора сверкает главное меню, геймпад от Бокса одиноко валяется на полу, а недопитая бутылка виски лежит на краю журнального столика, и не решается свалиться.

Со второй попытки получается подняться. Боль мгновенно окутывает голову, и в глаза напускается туман; делается дурно.

Я вхожу в туалетную комнату, но стоять под душем не решаюсь, совершенно нет на это сил. Поэтому я набираю ванну, добавляя в купель всякие ароматизаторы и пенки.

Покуда наполняется купель, я рассматриваю лицо в зеркале, нетвердо держась на ногах из-за похмелья и недосыпа.

Обычно ухоженные, короткие волосы, напоминают торчащий клочок пластмассовых волос, как у потрепанной куклы – хозяйка о ней не заботилась: она из тех девочек, которые лучше выпросят новую, чем станут возиться со старой; на глазах видны полопавшиеся сосуды, а их обычно ярко-зеленые радужки выглядят блеклыми, безжизненными, и, кажется, только напоминают оттенок своего прежнего цвета.

Вместе с двухдневной щетиной я выгляжу каким-то несчастно-серым человечком. Увидь кто-нибудь – испортится настроение.

Я закрываю кран, неспешно раздеваюсь, и горячий коктейль из водопроводной воды и уймы парфюмерно-мыльных составов принимает утомленное тело.

Голова по-прежнему страдает в объятьях с ноющей болью, но горячая вода создает релаксацию тела, всю ночь и утро пробывшего в черти каком положении. В целом, жить становится легче. Я откидываюсь, закрываю глаза.

Плаваю в невесомости, а вокруг пустота. Ничего, кроме ярких немых светлячков, пронсящихся мимо и превращающихся вблизи в белые полосы, мимо которых я проношусь на огромной скорости.

Звонящая тишина. Точно попал в какой-то вакуум. Даже мысли отключились. Ничего не существует, ничего не идет.

Откуда-то из глубины появляется бормотание.

Теперь во мне только пустота и чей-то голос. Звук во всем мире выключили, остался только он, скользкий и деспотичный. Лучше бы не слышать.

Я пытаюсь разобрать слова, но как ни старайся, ничего не выходит.

Внезапно из пустоты возникает силуэт мужчины в синем костюме: он надвигается на меня, проходя сквозь лучистые светлячки.

Не успев разглядеть силуэт, я тут же просыпаюсь.

Подобные сны случались со мной и раньше. А тут напасть – целая череда. Ночью в баре, утром в гостиной, и вот сейчас.

Вода остыла, и я тороплюсь выбраться из ванны, надеть

халат и отправиться на кухню. Голова больше не болит.

По кухне я расхаживаю с чашкой свежесваренного кофе, а взглядом ищу продукты, пригодные для завтрака. Но ничего путного не находится.

Я решаю, что придется куда-нибудь отправиться завтракать, но точно не в «Squer Antiques». Еще я планирую купить новый тайтл и поработать. С моими темпами письма как у улитки, легко позабыть, о чем книга. Рукопись придется перечитывать, чувствуя себя редкостным болваном.

Желудок голодно булькает, и я, угрюмо вздыхая, плетусь одеваться.

Проходя гостиную, я замечаю, что остались включенными телевизор и приставка

Я нажимаю на большой, утопленный в корпус приставки круг. Консоль стремительно затухает, кулеры прекращают вращение, а изображение на телевизоре теперь сплошным цветом – синяя безмолвная глубина заполняет окно в виртуальный мир, в левом верхнем углу появляется надпись «HDMI 2».

Лучше поздно, чем никогда – не дай Бог покажет три красных огня.

Я гляжу, что произошло за окном: высотки заволокло туманом, полупрозрачное марево облепило дома, тщетно стремясь поглотить в зыбких объятьях.

Внизу проглядываются машины и выходящие из домов люди. Кто-то семьями, кто-то в одиночестве. Высота и туман

отделяют меня от целого мира, который кажется таким далеким, словно я нахожусь вдали от города.

Возле подъезда прохлаждаются трое гопников. Один сидит на корточках в штанах с лампасами и курит, на голове неряшливо устроилась черная матерчатая кепка. Остальные почти не отличаются внешне, но умеют стоять.

Гопы с феноменальной скоростью грызут семечки, запоганивая округу плевками и кожурой. Я не решаюсь сделать замечание, потому как, мягко говоря, в меньшинстве.

Сходя с крыльца, вылавливаю каменные взгляды – с жестоким прищуром, будто должен им по два рубля.

Похожие пацанчики однажды задержали меня, усердно пытаюсь доказать, что я лошара и гомосексуалист, потому как не ношу сигарет, которые нужно им же и отдавать.

Тогда я буркнул что-то вроде: «Да я вообще не курю!» В ответ отделался предупреждением о неподобающем поведении и парой комплиментов. Отделался, потому ведь их было четверо.

Я давно понял, что в подобных ситуациях логика не работает. Основная ошибка, попадающих под горячую руку вот таких клошар – попытка вразумительно объяснить, связать логическую цепочку в предложениях. Для них это все – интеллигентное мямленье.

Например, доказывать, что если человек любит надевать красные кеды, то его вовсе не обязательно колотить палкой по голове, а после, дубасить по почкам. Это был реальный

случай. Парня затормозили, сообщили, мол, ни к чему носить красные кеды, надавали палкой по голове, а после, когда бедолага упал, молотили лежачего.

Ну какая тут логика?

Утренняя прохлада пробирает насквозь, куртка и свитер пытаются согреть, но не выходит.

Выйдя со двора, я стремительно шагаю по тротуару, наблюдая, как резвые машины разгоняют сырую мглу и со свистом проносятся мимо. Обычно безликие и немые прохожие, в тумане кажутся совсем чужими. Одни медленно выплывают из бархатной дымки, другие входят в нее и растворяются там навсегда.

Я дохожу до входа в метро, спускаюсь по широким гранитным ступенькам, и, поглядывая на прохожих, протискиваюсь через тяжелую прозрачную дверь.

Пахнет подземным царством, слышится гул вагонов, теплый ветерок гуляет. Я прислоняю пластиковую карту к сканеру, и турникет распахивается.

На эскалаторе я не всматриваюсь в рекламу на стенах, но в голове все-таки всплывают картинки и образы магазинов украшений, ярмарок шуб, новых жилых комплексов, автомобилей и курсов английского. Все развешанные баннеры я знаю наизусть, и мне частенько кажется, что они никогда не меняются.

Кто-то торопливо спускается позади, в ровном темпе отбивая по железным ступенькам монотонное «топ-топ-топ».

Люди, заслышав торопыгу, послушно сдвигаются к краю, словно выполняя беспрекословную команду, и я чувствую, что нахожусь на конвейере.

* * *

Отдел видеоигр всегда безлюден. Игры на витринах сортируют неважно: мультиплатформа и трэш на заметных местах, хиты непритязательной стопкой покоятся за стеклом. Взгляд покупателя проносится по полкам мультиплатформы, нарочито выставленной для рядового потребителя – не смыслящих в играх детей, покупающих диски за счет платежеспособных родителей по шестьдесят долларов за штуку. В глаза бросаются «фифы», «энхаэлы», «виртуалтеннисы», «иксмэны», новые «нидфорспиды» и прочие детскости.

Какие бы ни были, все они для меня – целые миры. Просторные и уютные, дикие и легкие, ручные, эфирные, завлекающие.

Вот запустишь один из миров, впрыгнешь в окно, а там...

С высокой горы далеко видно: снизу острова стоят посреди воды большой, синей и спокойной, а по берегам островов тех хлещутся волны кудрявые, да с шапками пенными. Острова все зеленою полны, так и дышат ею. На островах этих – поселения большие, со стенами из белого камня. В стенах

этих ворота устроены, на все четыре стороны. В городах дороги проложены, брусчаткой серой, вековой. И дома стоят, солнышком сверкают, лучатся. Кто живет в этих домах? Что делают там? О чем думают?

Всего этого узнать не терпится, аж улыбка затаённая на лице расплывается, как представишь, сколько всего прожить в таком мире можно!

Э-эхх!!!

Или впрыгнешь в другое окно, а там лес пышет, да так, что пройти через него сразу не получается. Любой неопытный путник заблудится, на невиданные растенья залюбуется, о сгнившие черные ветки спотыкнется, да испугается! Зверей то здесь не пересчитать: кто на деревьях кров устроит, кто на земле ночами траву топчет, листвой шелестит, а кто и тоннели роет...

В одном из окон осеннее небо. Ясное, из хрусталя, расплескивается всеми красками заката над землей, истерзанной трещинами и огромными ранами-воронками, застывшими и напоминающими о былых сражениях, ожесточенных, губительных для человека и природы. Кажется, в стылой утренней тиши до сих пор вихрится едкая пыль.

Но природа все залечит, как время лечит раны человечества. И тут снова появится тихое и чистое пространство под холодным осенним солнцем. Не будет ни души, ни звука человеческого, только прозрачный лес: не лохматый и цветущий, как летом, а строгий и неслышный, словно бы почистился и

затих, ждет другого времени.

А вскоре будет другая война – опять землю истерзают и леса прилично повалят, травы покосят, и раны-воронки по-вылезают, а трещины набухнут. И вновь природа беспреко-словно залечит, и цикл повторится. Таков тот мир.

Другой, что в цветастой пластмассовой коробке с гром-ким названием, явит на экран радуги всех цветов, зверей ди-ковинных, плюшевых, да не плюшевых, загадочных, чудных, злых и дружелюбных. Глянешь на них и засмотришься, а по-том управлять ими будешь, и вокруг мир запляшет, запоет, счастьем залется. Такой добрый и лучистый, с яркими крас-ками, пушистый и мягкий.

Я еще минут пять неспешно обхожу витрины, пока не на-тыкаюсь на двух пареньков возле стенда с демонстрацион-ными приставками: первый в цветастой кепочке с зеленым козырьком, как в клипах у черных рэперов, второй во всем обтягивающем, – футболка и джинсы буквально душат пар-ня – он подчеркнуто лохматый, с длинной челкой и черниль-ными волосами.

Они оживленно спорят, препираются. Мне становится любопытно – я подкрадываюсь, принимаюсь слушать:

– Говорю тебе! Девять! ДЕВЯТЬ ядер! Не одно, не два, не три... девять! – восклицает парень в цветастой кепочке, активно жестикулируя. Нос его картошкой, из-под кепки вы-глядывают веснушки.

– Да? И что толку? Они недоразвитые, ядра твои! Вот в

Боксе их только три, но зато полноценные, – второй парень в сковывающей одежде явно косит под Эмо – джинсы прямо таки впиваются в пах бедолаги, а челка настырно лезет в глаза, и он то и дело откидывает ее. – Три полноценных ядра лучше, чем девять недоразвитых. Ну как с этим можно спорить?!

– Ты не понимаешь! Открываются огромные просторы для разработчиков! Потенциал...

– Вот только про потенциал не надо! Все уши прожужжали. Смешно!

– Да ты почитай! Почитай в инете инфу про начинку. По-другому заговоришь! Это действительно крутая штука... – глаза паренька в кепочке покрываются нездоровым блеском.

– Пока незаметно. Слушай, два года прошло, а все слюной брызжешь, – Эмо-бой встряхивает волосами. – Ты давай завязывай с этой ерундой. А то на сумасшедшего походить будешь.

– Ох, ну и Биллибой же ты, Тема! – обижается кепочка.

– Пф. Кто бы говорил. Сонибой фанатичный...

А дальше так: глядят злобно друг на дружку, и начинают ругаться молча: делают вид, что их стенды занимают, что не про ссору думают.

Потом дело за малым. Только кто первый рот разинет, так и понесется ругань со второго. И ругаться будут, пока не устанут, да не померятся. Такие они, друзья с супротивных фронтов консольных браней.

В помещении идет негромкая музыка, разбивая тишину. Она заполняет пространство, окутывая и поглаживая запертые в оптических носителях виртуальные миры. После замолкших фанбоев, вокруг никто не создает лишнего, пусто-го.

А все потому, что поблизости не спуют продавцы-консультанты!

О-о-о! Продавцы-продавцы! Как Вы похожи друг на дружку в гипермаркетах! Убежденные в собственной гениальности придурки, совершенно не разбирающиеся в технике, но готовые напомнить при каждом удобном случае в компании знакомых или друзей, что они работники гипермаркета.

Или вот подруга мамы спросит, где работает сынок, и та непременно, с гордостью и поставленным ударением в словах, растолкует о замечательной работе сынишки и порекомендует обращаться за консультацией по выбору телевизора или стиральной машины непременно к нему. Ха!

«Консультанты» ни черта не понимает в том, что продают. Любой, хоть немного разбирающийся в технике, подтвердит это сотню раз. Обычному человеку смыслить в технике – нет надобности. Визит в поисковик за информацией о будущем приобретении – и Вы знаете больше продавца.

Дело вот в чем. Подруги мамаш консультантов, в технике кумекают меньше детей, а Интернетом не пользуются вовсе. А консультанта так рекламируют родственники, так о нем отзываются, мол: «Гуру, вот прям компьютерный гений!».

Со временем человек и вправду начинает верить, будто разбирается в товаре не хуже инженеров-изготовителей: дает советы друзьям и знакомым по любым покупкам бытовки, выступает экспертом в вопросах технологии производства жидкокристаллических экранов, знает все про качественный звук и лихо подберет хороший объектив для зеркалки.

Мне уже кажется, что полстраны – подруги мамаш консультантов, или сами мамыши, не знакомые с Интернетом.

Где набирают уникамов? Откуда берутся гении современной техники? Из какого места вылупляются в столь огромных количествах? Лично я знаю несколько вариантов, которые используют в провинциях.

Перед открытием магазина сети гипермаркетов, за неимением желания отбора персонала и в целях экономии времени, набирают кого попало. Но преимущественно юношей. Те разгружают и расставляют по местам товар в пустом, наемдни достроенном объекте. Силы то у них – хоть отбавляй.

Затем новоиспеченных работников раскидывают на отделы, где уже на следующий день те вешают лапшу приходящим за «стиралкой» или «той штукой, которая в рекламе про бритье волос в подмышках». Половину товара в первый же день сметают обезумевшие от потребительского голода провинциальные домохозяйки.

Недостающие кадры заполняются, в первую очередь, друзьями и знакомыми бывших грузчиков. Как правило, такие работники даже не знают, что будут продавать. Им плевать

на премии и бонусы; работают за минимум, не волнуются, держатся бодрячком. Их не заботят продажи или рабочие условия. Они ни за что не переживают. Минимум, получаемый за месяц гыгыканья на рабочем месте, оборачивается полторашкой на каждый вечер. А большего и не надо. Зачем?

Я знаю случай, как один знакомый вписался в это бесплодное и заторное дело. Похмельным утром, проходя мимо подобного предприятия, именуемого «самым крупным гипермаркетом бытовой техники в России», надумал похохмить. Just For Fun, так сказать.

Помятый, дурно пахнущий, утомленный недосыпом, небритый, собрался предлагать свои услуги. Думал, что похохмит, сверкнет умом, искрометно сыграет слогом, создаст веселую историю, которую всегда приятно рассказать за пластиковым бадюлем местного пива.

Взяли. Только прокрякали, мол: «Сегодня выпись, а завтра приходи».

Потому-то, когда ко мне подходят такие вот специалисты, я стараюсь их ненавязчиво послать.

Наконец, цель визита встречается взгляду. Валяется в углу, неугодный детям must-have. Протягивая руку за коробкой, я испытываю на себе чей-то взгляд.

– Что-нибудь интересует? – На гуру дряблая красная футболка с белым клеймом на груди в форме логотипа магазина. +2 к навыку «вешать лапшу», служит опознавательным

знаком для покупателей. На голове небрежно зачесанные светло-каштановые волосы, лицо сияет нездоровой улыбкой. Эксперт прячет руки за спиной, зачем-то приподнимается на носки, опускается, поднимается снова.

– Помочь выбрать? Вот тут много новых хороших стрелялок! – он кивает в сторону мультиплатформенного мусора.

– А леталки у вас есть? – издеваюсь я.

– Да! Где-то здесь... – он бойко принимается рыскать в поисках «шедевра».

Не повезло парню. Мало ему, что гуру в технике, еще вдобавок шутеры и симуляторы стрелялками-леталками обызывает.

– Что-то не найду... – говорит себе гуру и чешет лоб.

– Есть одна игра, – придумываю я на ходу, – вот только не помню названия. Вы мне поможете?

– Да, конечно, – он заботливо улыбается. – А что за игра?

– Ну... там... – я изображаю тупого задрота, – по сюжету, люди контратакуют инопланетян, но эти инопланетяне – вроде как тоже люди. Ну, или просто на людей похожи. Не важно! Обитают эти мутанты на планете, плохо пригодной для жизни.

– Гм, – эксперт задумчиво глянул в сторону и снова почесал лоб.

– Это вторая часть. В первой атаквали инопланетяне – хотели захватить землю. Как я уже сказал, их планета непригодна для обитания, вот они и позарились на нашу. Вроде

так. Хотя я на сто процентов не уверен. Да там сюжет не важен. Геймплей, грамотный геймплей.

– Тааак... что же это может быть? – бедняга бегает взглядом по полкам с играми, не замечая лежащую рядом коробку. – Стрелялка, да?

– Нет, шутер. Стрелялки детям продавайте. Мне нужен шутер от первого лица с вышеописанным сюжетом. Shooter. First-person shooter, понимаете?

Парню сделалось неловко от незнакомых слов. Он смотрит глазами озадаченной блондинки, ходит из стороны в сторону, наклоняется, мечется взгляд.

Несчастный старательно изучает витрины, изредка предлагая взглянуть на обложки коробок. Порой глаза выражают надежду, но тут же гаснут, получая в ответ злорадную ухмылку и резкий жест отрицания. Постепенно его учтивость сменяется раздражительностью.

Полки с играми кончаются. Изучать становится нечего. Гуру еще раз спрашивает, довольно вяло: «Не та ли игра?», показывая дребедень двухлетней давности, и получает отрицательный ответ.

– Выходит, этой игры у нас нет. Я все пересмотрел, – консультант выдыхает, пожимает плечами.

Переработал, не иначе.

– Нет. Позвольте. У вас эта игра имеется. Точно имеется. Я узнавал в справочной, – Мой голос делается строгим, учительским, и наверняка раздражает.

– Правда? Странно. Скорее всего, еще не завезли, – он явно хочет отделаться от меня побыстрее.

– В продажу поступила. Эээ... в справочной заверили, – я улыбаюсь и медленно, надменно произношу слова. – Неужели вы не можете найти игру, за которой я пришел? Это же ваша работа. Плохо, значит, работаете.

– Как я работаю, не твое дело! – гуру переходит на «ты». Задеты его чувства. Чувства мастера продаж, торговой интеллигенции, в конце концов – чувства разбирающегося во всем человека!

– Нет. Мое. Я покупатель, и придя в магазин, не желаю испытывать неурядицы по чьей-то вине. Вы не можете справиться со своими элементарными обязанностями, – с ударением на последние два слова, тычу пальцем в его сторону. – Вы должны быть ознакомлены с ассортиментом, знать его содержание, чтобы, не продать игру маленькому ребенку, опасную для его психики.

Повисает пауза

– Ты игру найдешь, или нет?

– Слышь! Как тебе могли сказать, что она есть в продаже, если ты названия не помнишь? Ты, походу, придуряешься, – гуру перешел на «слышь». До него, наконец, начала доходить суть происходящего.

– Я просто пересказал сюжет игры, меня поняли. Странно, даже девушка в справочной разбирается в играх, только не ты, – я нагло лгу, я, естественно, никуда не звонил.

– Слышь! Ты че, поговорить штоле хочешь?! – от доброжелательной рожицы теперь ни следа: лицо консультанта в злобе, при каждом слове он брызгает ядом.

– Нет. Просто хочу получить игру, за которой пришел. Вы грубо разговариваете со мной, принесите, пожалуйста, книгу жалоб и позовите менеджера.

Гуру смачно ругается матом и харкает в сторону.

Это уже не продавец-консультант. Это эталонное быдло.

Я смотрю ему в глаза, рука медленно достает коробку с игрой.

– Вот эта игра. Я сам нашел. Без вас. Ознакомьтесь, пожалуйста, с ассортиментом, что бы подобных случаев больше не происходило. Всего доброго! – я улыбаюсь, поворачиваюсь и бодрым шагом ухожу прочь. Сзади доносится бурчание и отборный мат.

Магазин. Обычный совковый магазин. Не гипермаркет вовсе.

Simply Young

Расположился я за столиком в конце зала, взяв кусок пиццы, апельсиновый сок и кукурузный салат. От безделья и скуки, взгляд невольно пускается бегать по заведению.

Сегодня в пиццерии самые разнообразные посетители: прекрасные малолетки, стремящиеся казаться старше; толстая дама в компании пары круглых девчушек и худого, щупленького мужичка, бесконечно бегающего в туалет; два молодых парня, потягивающие кофе и подразумевающие всем своим видом насыщенный деловой день вкупе с респектабельностью – но респектабельностью не пахнет, а воняет дешевым одеколоном; прыщавые подростки, позиционирующие лишь девственность; здесь даже сухонькие бабульки, силком приведенные внуками, улепетывающие один за другим куски пиццы и запивая их газированными напитками.

Зал пиццерии солидный в размерах, просторный. Стены светлого древесного цвета украшены почти незаметными золотистыми узорами, напоминающие стразы. Посреди зала стоят круглые столики с разноцветными столешницами, подле снует персонал. При желании, здесь можно разместить роту солдат или играть мини-спектакли.

Распахивается дверь, и в пиццерию влетает девушка небольшого роста, в причудливой одежде, с яркой космети-

кой на лице. В девушке я узнаю Лену.

Завидев меня, Лена столбенеет, метая выпученными глазами в нерешительности, и делается похожей на страуса из пожелтевших американских мультиков – те забавно суют голову в песок, которого под ногами всегда не оказывается.

Наверняка думает: «Вот закрою глаза, постою так пару секунд, открою, и увижу, что его здесь нет, и никогда не было!»

Но я здесь. Тоненькие ножки в узких синих джинсах и розово-желтых кедах поджимаются; синие глаза среди блестящих железок, всаженных в лицо, хлопают; длиннющая челка, покрашенная в черный цвет, скукоживается от испуга. Лена прячется в фиолетовый шарфик, и тонет в нем.

Сложно сказать, кто она для меня. Лену я знаю два года. Она очень красивая и очень глупая. В последнее время занимается ерундой – пристрастилась к дибилловатому стилю жизни эмо, который нынче повелевает современной молодежи.

Поведение, одежда, общение, эмоции, музыка, принципы, идеалы, будущее – подчинено одному образу эмо-герлы или эмо-боя.

У меня эмо-стиль вызывает тошноту и ненависть. Не ново, не уникально. Эмо-стиль не создан, не придуман. Лишь позаимствован. Всплески истерик, бесконечные депрессии, апатия к окружающему миру.

Зараза идет от начала нулевых годов, хотя эмо-герлы и эмо-бои утверждают, что «культура» уходит в восьмидеся-

тые. «И вообще, в ней больше смысла, чем кажется Вам, ОБЫЧНЫМ людям!» – любят вопить истинные тру-эмо.

Все – лож. Настоящих тру-эмо не существует, как и самой субкультуры. Есть название, есть атрибутика, есть стадо крашенных оленей. Все. Какая к черту субкультура?

С Леной я нынче не в лучших отношениях. Постоянные упреки о вреде эмовских увлечений и неодобрение ее нового образа жизни приводили только к ссорам. Доходило до крайностей.

Как-то раз я заявился в ее тусовку, изрядно подвыпивший. Голосом проповедника принялся читать лекции о вреде табака, алкоголя, наркотиков, беспорядочных половых контактах, рассказывал о развитии нервной системы у человека.

В общем, лекция сводилась к лозунгам: «Куда вы катитесь?», «Вы еще совсем молодые!», «Эмо-стиль убьет вас!».

Видя пьяного чела, вещающего о вреде алкоголя, эмо-тусовка дружно хохотала на всю округу. Я быстро сдался, потому что был изрядно пьян, сел в машину, и колеса увезли от гогочущих клоунов.

Но по сей день Лена не перестала заниматься эмовской бредятиной, а лишь углубилась в нее с большей силой.

Тут обсуждать с ней нечего. Ничего не изменилось, и боюсь – не изменится. Дурочка упряма и настойчива в своих заблуждениях: не подпускает ни на шаг, когда пытаюсь образумить. Последний раз виделись, черти когда.

Как бы то ни было, я все же очень рад видеть эту дурочку. Мне ее искренне жаль, и нестерпимо обидно, что никак не могу на нее повлиять, потому как никем ей не прихожусь, и вообще – человек из ниоткуда.

Машу ей рукой и жестом предлагаю присоединиться. Лена разочарованно вздыхает, закатывает глаза, а затем расслабляется, понимая, что отвертеться уже не получится.

Меня это почти не обижает.

Одарив легкой улыбкой, короткими шажками она подступает ко мне. Улыбка Лены капает бальзамом на душу, разливается слезами Феникса по ядовитой ране.

Вблизи Лена выглядит не лучшим образом, несмотря на юную упругость и бархатистость кожи: за обильными слоями сине-розовых теней и черной туши видны опухшие веки, красные от недосыпа глаза. Где же она шляется, эта дурочка?

– Привет. Как дела? – от банальности моего вопроса, я чуть сам не закатываю глаза.

– Да ниче как бы, нормально так, – тоненький музыкальный голос звучит тихо, по-детски мило. Но грустно.

– Как ты себя чувствуешь? У тебя все нормально?

– А с чего мне плохо будет? – презрительно гнусавит Лена.

– Ну, ты какая-то грустная. Выглядишь немного вялой, – я отвожу взгляд в свою тарелку.

– Да это я не высыпаюсь, – увиливает она.

– Да? А чем ты занимаешься, что выспаться не можешь?

Лена раздраженно выдыхает.

– Ой, ну давай не будем, а? Ну пожалуйста, мне и вправду не очень то весело.

– Ну ладно, – я все же таю от ее голоса и сжимаюсь, – Ты будешь что-нибудь?

– Да я не знаю. Я тут время скоротать хотела. Мы с подружками гулять собрались.

– Опять по разрушенным стройкам будете лазить? Может, еще на помойку загляните? А? – я снова не могу удержать себя в руках.

– Чего ты начинаешь то?! – буркает Лена.

– Да ничего я не начинаю. Пойду тебе сока принесу.

Пока беру сок, Лена принимается за телефон. По-видимому, что-то срочное и важное. Отменяет встречу с подружками? Боится что я их встречу?

Друг, ненавидящий эмо – проблема.

– Вот твой сок, – я возвращаюсь за стол со стаканом темно-красной жидкости. – Ты, кажется, вишневый любишь, правильно?

– Да, спасибо, – на ее лице снова заиграла улыбка, стоящая больше целого ящика вишневого сока.

– Я все помню. И тебя помню. Какая ты была раньше... Милая девочка, без всей этой мишуры.

– Ну хватит, ну перестань уже, – Лена супит брови. Это последнее предупреждение. Дальше будет игнор.

– Ты совсем меня слушать не хочешь... – я вздыхаю. – Как мать?

– Нормально, – сухо отрезает она. – Давай о чем-нибудь другом. Расскажи лучше, что ты сейчас пишешь? Для детей?

– А я больше ни для кого не пишу. Не могу и все. Раньше хоть дети меня понимали, а теперь... будто нет детей вовсе, словно бы взрослые все стали. Вот и ты больше не ребенок, наверное, раз не слушаешь.

– Я тебя слушаю, но слушаю когда надо. Я уже сама могу решать, что для меня хорошо, а что плохо, – звучит так убедительно, что хочется верить.

– Звучит, конечно, красиво, но не похоже на правду. Ни сколько.

– Какая ты все-таки язва!

Лена деланно обижается, косится в пол, смешно пьет сок урывками. Наконец, отходит, и произносит:

– Я могу с тобой говорить, если ты будешь слушать. Но ты же не станешь?

– Стану, ты попробуй.

– Да ша! Орать будешь!

– Ну попробуй.

Она суетится, елозит, потом немного нагибается, будто собралась рассказать что-то важное.

Я смотрю на нее внимательно, с интересом, желанием узнать ее мысли.

Должно быть, заметив это в моих глазах, она решается рассказать. Больше всего люди хотят, чтобы их слушали.

– Я хочу... серьезно поговорить. Мне нужно поделиться

кое-чем с тобой. Ты не поймешь, но все-таки...

– Говори, я все пойму. Постараюсь.

– Ты когда-нибудь вены себе резал?

Лучше бы она меня по башке трахнула! Вот тебе и серьезный разговор!

Это странно: сначала я порываюсь взорваться смехом, видимо, включается своеобразная защитная реакция организма на вот такой случай. Но я мастер включения и отключения всяких штучек, поэтому я сдерживаюсь, а еще через мгновение понимаю, что вообще происходит, и что она с таким трудом мне сообщила.

– Нет. И не собираюсь, – я моментально взвинчиваюсь, я закипаю.

– А я вот попробовала недавно. Так, слегка. Мне не понравилось, – я закрываю глаза, мотаю головой. – Это потому что я тихонько?

– Господи, да что же я слышу! – произношу шепотом, и ударяю кулаком по столу – предметы на столе вздрагивают, а вместе с ними и Лена, отовсюду смотрят. В голове у меня теперь стоит звон посуды, а все тело пропиталось яростью. – Скажи мне, Леночка, почему это должно нравиться? С какого перепугу ты должна испытать что-то по-ло-жи-тель-но-е? – уже отчетливо спрашиваю я.

– Нууу... – Лена делает идиотское выражение лица, становясь похожей на умственно отсталую, – вот девчонки говорили, что во время ужасного депрессняка это помогает.

Прям расслабляешься, говорят.

– Твою ж мать! Ты прости меня Лена, но насколько ты могла рехнуться, чтобы поверить в бред, наболтанный твоими наголову больными подругами? Режешь вены? Не пробовала ногу отрезать? Знаешь, снижается масса тела, организму легче; можно меньше питаться – экономить на продуктах; начинают платить пенсию! Лучше бы пробовала шевелить извилинами! Ты дура, останешься с болтающейся кистью на всю жизнь, если силу не считаешь и перережешь сухожилия, пытаясь, прости Господи, получить удовольствие. Это если кровотечение остановишь. Или ты физиологию не знаешь? Хотя откуда тебе знать, правда? Весь мозг высосали эмо-песни. Идиотка.

– Какого хрена ты меня обзываешь? Ты что? – Лена меняется в голосе.

– Какого хрена? Да ты себе вены режешь! Вот какого хрена!

– Ну, я не сильно порезала. Я не дура. Так, чуть-чуть, – в глазах Лены появляется стыд. Детский стыд. Словно отчитывается за несделанное домашнее задание. – Я по коже, горизонтально, я не дура.

– Дура! Покажи.

– Не покажу.

– ПОКАЖИ! – Лена вздрагивает от моего крика, уводит глаза в сторону. Из соседних столиков начинают пялиться.

– Я же говорю, чуть-чуть... – она бледнеет и опять добав-

ляет. – Я не дура.

Я хватаю ее протянутую руку и принимаюсь осматривать: ничего серьезного.

– Прекрати это, я сейчас заплачу! – она вырывает руку, на ее глазах, в самом деле наворачиваются слезы, беспощадно размывая жирные тени.

– Нет, не прекращу, идиотка ты тупая. Не прекращу, пока до тебя не дойдет, что ты окончательно свихнулась от этой эмо-херни! – Лена начинает злиться и плакать одновременно. – Завтра же поговорю с твоей мамой. Будем решать, что делать с тобой и твоими ненормальными подругами.

– Какое ты имеешь право что-то за меня решать?! – Лена похожа на маленькую ведьму. Обильно подведенная тушь стекает черными ручьями по усеянному пирсингом лицу. Металл, тени и слезы. И все на ее лице, как маска от окружающих. Как же до этого дошло?

Я замечаю, что кроме меня, плачущую Лену наблюдают из-за соседних столиков.

– Полное. Я имею полное право, Леночка. Потому что, если я за тебя в ближайшее время не решу, решать уже будет не за кого.

– Что ты о себе возомнил? Ты ничего не понимаешь! Ничего! Ты не знаешь, ЧТО я чувствую, ты не знаешь ничего... – истерика переходит в глухой плач и всхлипывание.

О, наивные тупые подростки. Почему вы всегда думаете, будто осознаете что делаете, понимаете жизнь и считаете,

что все уже знаете, а надоедливые «предки» только вечно мешают?

– Лена, – я подсаживаюсь поближе, и одновременно стараюсь закрыть своей рукой весь этот скандал от чужих глаз, – позволь помочь. Я не могу понять, что с тобой происходит. Ты же себя разрушаешь. Я просто хочу помочь. Ты мне веришь?

Лена некоторое время думает, тихо всхлипывает, потом поднимает голову и холодно говорит:

– Мне не нужна твоя помощь. Не лезь в мою жизнь. Я без тебя во всем разберусь, ты только вечно расстраиваешь меня.

Я отсаживаюсь. Невозмутимо гляжу по сторонам.

– Хорошо, придется поговорить с твоей мамой. Завтра же, – я строю из себя строгого папашу, но выглядит это – я так чувствую – неубедительно.

– Ты не посмеешь... Ты не имеешь право!

– Посмею. Это не сложно.

Повисает пауза.

– Тогда я скажу ей, что ты изнасиловал меня полгода назад...

* * *

Я встаю из-за стола, подхожу к окну и поднимаю жалюзи. Я люблю всматриваться в небо. Сейчас оно покрыто густыми тучами: лунный свет разливается по бархатистым лугам небосвода, окрашивая их в буро-черный и пепельный цвет. Это как смотреть на холст, авторство которого тебе не известно.

Я опускаю взгляд и вижу застывших светлячков, они редко горят на телах громадных домов-ульев. Где-то в них идут другие жизни, и ее участники наверняка видят окружающий мир по-иному. Мы словно бы смотрим в разные калейдоскопы, и каждый видит свои картинки.

Ниже, с высоты пятнадцатого этажа, можно разглядеть только свет горящих фонарей и очертания недвижимых машин с мигающими блекло-синими огоньками сигнализаций. А больше ничего.

Я приоткрываю окно и высовываю нос, чтобы набрать в легкие свежего воздуха. Делаю три глубоких вдоха, закрываю окно и опускаю жалюзи. Я удобно сажусь за стол и хочу сделать это снова.

Я внимательно гляжу на фигурку за окном, которое ведет в виртуальный мир. Я впиваюсь в нее взглядом, не прерывая зрительный контакт ни на секунду, начинаю реже моргать. Вокруг ничего больше не существует – только сонная фигурка, я и тишина. Далекая и близкая. Манкая и пугающая. Я зависаю в этой тишине и сливаюсь с фигуркой.

Проходит еще мгновение, прежде чем я впрыгиваю в от-

крытое окно.

* * *

Я оглядываюсь. Нарисованная тропинка вьется посреди гор, по другую сторону экрана она выглядит красочнее и выразительнее. Вон запрятался маленький кустик, зеленый и сочный, вон мертвое дерево, бесцветное и недвижимое, пу- гающе раскинуло каменные ветви.

Небо слепит глаза, а по ровной синеве плывут худые облака. По миру порхает мягкий прохладный ветерок и обду- вает мне лицо.

В теле чувствуется легкость. Я могу свернуть горы, отпра- виться в любое путешествие, одолеть самого сильного вра- га. Чувства силы и воли кружатся вихрями в моей голове и ищут выход.

Я открываю инвентарь и перед глазами возникают пред- меты в несколько рядов. Каждый размещается в отдельной клеточке с темным фоном. Инвентарь, бесплотный, все же закрывает обзор. В бою такими фокусами лучше не пользо- ваться.

Я протягиваю руку в клеточку с ржавым одноручным ме- чом. Рукоять удобно лежит в руке, холодный клинок поблес- кивает; крупинки ржавчины портят вид, а на лезвиях кое-где

виднеются сколы.

Закрыв инвентарь, я направляюсь вниз по тропинке. Мой путь пролегает через скопища диких тварей, где-то рядом прячутся головорезы и еще черт знает кто.

После «входа», движения всегда кажутся неуклюжими. Дискомфорта я не испытываю, но представляю, как нелепо выгляжу со стороны: по красиво нарисованной тропинке, с четкой текстурой, разбросанными поодаль камешками, заботливо посаженной травкой, бежит манекен, не то из пластика, не то из дерева.

Прямо посреди тропинки я замечаю сундук, замедляю шаг и по привычке настораживаюсь, опасаясь засады. Но опасности нет. Лишь неграмотный гейм-дизайн, где сундуки поджидают путника вдоль троп.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.